

Евгений Плоткин

И р е н

ИРЕН

Ее звали Ирен. Она была латышкой из Лиепаи, много лет назад заброшенной судьбой в Израиль.

По-русски и на иврите она говорила с неповторимым латышским акцентом, растягивая гласные и удлинняя концы слов. Ирен была актрисой. Не актрисой в смысле "весь мир – театр, а люди в нем – актеры", а актрисой по профессии. Когда случился бум на программистов и программировали все, включая цирковых акробатов, садовников и врачей, мой друг Боря Мандель из Чикаго говорил на очередном интервью: "Я программист. Но я и в России был программистом". Так и Ирен – она в Латвии была актрисой и, хотя ее профессиональная карьера там и закончилась, она осталась актрисой на всю жизнь. Выпив немного, Ирен вдохновенно дарила друзьям эпизоды своей жизни – так же, как на сцене актеры дарят зрителям эпизоды чужой.

Однажды она получила письмо от ученицы своей ученицы из латвийской консерватории. Девушка писала, что ей задали дипломную работу по музыке эпохи Второго Иерусалимского Храма. Утрируя акцент, Ирэн цитировала письмо: "Пасниедзея (учительница, по-латышки), пасниедзея, что это за хра-а-а-м такой, кака-а-я там была му-зыка, когда-а это было?"

Ирен держала паузу, а потом со смаком говорила: "Дура!" И, ясное дело, это было не единственное слово к месту, которая она знала и любила по-русски.

"Возьми книжки, прочти все что там написано, я тебе потом помогу", – написала она в Ригу.

"Пасниедзея, я взяла книжки в библиотеке, но они по-русски"...

"Дура!.. – написала ей Ирен, – хочешь знать что-то, любой язык выучишь!" Еще бы – Ирен выучила иврит, а после иврита все языки казались ей одинаково простыми.

Через какое-то время Ирен получила благодарственное письмо из Риги: "Пасниедзея, я тебе так благодарна за помощь, моя работа была признана лучшей, мне предложили аспирантуру – приезжай! Приезжай в Латвию, мы на хуторе закоптили половину свиньи, я хочу тебе ее подарить, спасибо тебе большое!"

Ирен смеялась, представляя себе свинью, закопченную в честь Второго храма и говорила: "Ну кто из евреев может представить, что я заработаю ветчину музыкой эпохи Второго храма! Меня надо в книгу рекордов Гиннеса, в еврейскую энциклопедию, на аллею праведников..."

И вот однажды мы встретились с Ирен в Тель-Авиве на дне рождения у ее (и нашей) приятельницы. Мы ездили летом в Ригу, повидали друзей и были полны впечатлений. Посреди разговора Ирен вдруг спросила: "А пирожки со шпеком в Риге еще есть?" "А как же, – сказал я, – я их очень люблю, у них чуть сладковатое тесто, а сало немножко хрустывает. Раньше стоили 12 копеек, а теперь 12 сантимов".

"Да-а, – Ирен задумалась на мгновение, – 12 копеек... Ты знаешь, я иногда себе представляю: я иду по Риге и вижу – продаются пирожки со шпеком. Я подхожу и долго смотрю на них, а потом покупаю, но не ем. Я беру пирожок, разламываю его и двумя руками – двумя половинками пирожка – провожу по щекам..."

Ирен держала паузу, и аромат шпека полз по комнате.

"Я провожу по щекам, по коже и зажмуриваюсь от удовольствия. Ты помнишь, как они пахнут?!"

Помню ли я?! Ирен, ты смеешься? Странное дело, запахи – гораздо более интимная сфера, чем вкусовые ощущения. Они менее определенные и менее формализуемые. Их

ассоциативный ряд всегда неожиданен и бьет сильнее и больнее. Вот, скажем, запах свежесорванного аира. Ирен, помнишь, как на Лиго Яна хлестали аиром по ногам?

"Отстань, – говорит Ирен, – я спросила: ты помнишь, как пахнут пирожки со шпеком? Я мажу ими лицо, но не ем – удовольствие надо уметь растягивать".

"Нет, помнишь – ходили на луга, рвали утром свежий аир, рвали у основания, чтобы было удобнее, а когда зажигались к вечеру костры, то бегали за девушками и хлестали их по ногам?"

"Чушь, запах пирожков со шпеком гораздо интереснее. Вот я сейчас тебе расскажу, как именно они пахнут, и у тебя заурчит в желудке. А от запаха аира и воспоминаний о девушках заурчит где?"

Ирен поднимает руки, берет невидимый пирожок, надувает щеки – и мы оба смеемся, хотя в пору бы – грустить.

Ирен была актриса. Она говорила, как играла – гениально. Я так и не знаю, что чувствовала Ирен, вспоминая эти пирожки. Сейчас я бы спросил: Ирен, видишь деревья на этой улице? Их привезли из Австралии. К маю они яростно сбрасывают листву – осень на дворе, память другого полушария сильнее очевидности времен года. Как ты думаешь, они когда-нибудь привыкнут? Ты на самом деле чувствуешь то, что помнишь, или у тебя есть память поколений, выросших среди дождя, моря и свиных ферм?

"Я-а не зна-а-ю, – сказала бы Ирен, утрируя акцент, – я просто лю-ублю пирожки-и со шпеком".

Ну, эту игру в простоту мы проходили...

Вот скажи: ты – жена музыканта, мать музыканта, сама музыкант, скажи – есть генетическая музыкальная память? Я действительно что-то чувствую, когда слышу клейзмеров. Странно, правда? Слушаешь восточные еврейские мотивы – ну ничего, а клейзмеры!.. а скрипка!.. Это как у Ламарка – если играть перед ослом на скрипке, то выведется порода музыкальных ослов. Неужели кто-то играл на скрипке где-то в местечке век назад, а я сейчас это ощущаю?!

"Это сли-ишком сло-ожно", - сказала бы Ирен. Потом повернулась бы к хозяйке дома: "Лена, ты просто волшебница, все так вкусно, я просто не могу всего не попробовать".

...Прошли годы. Я не знаю, почему я вдруг вспомнил об Ирен. Я хотел написать о Синайской пустыне, о ее величии, о бедуинах, о том, как все это невероятно красиво – и бесконечно, космически чудно. А вспомнилась – Ирен... и пирожки со шпеком.

